

Ксения Рот
ЦВЕТОЧНАЯ
ДЕМОНИЗАЦИЯ

18+

Ксения Фосс

Цветочная демонизация. Том 1

<https://litres.ru/73583128>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умирал.

Медленно, без права на чудо, запертый в теле, которое давно перестало ему принадлежать. Когда надежда иссякла, остался лишь один выбор — доверить свою жизнь системе.

И он согласился.

Так начался его путь в мире «Небесного пути» — игре, где смерть реальна, а сила измеряется не цифрами, а волей, болью и способностью переступить через себя.

Теперь он — Янь Уцзи. Странствующий заклинатель без прошлого, без клана, без опоры. Лишь верный, но робкий спутник рядом... и мир, в котором каждый шаг может стать последним.

Горы, укрытые туманами. Леса, цветущие так, будто скрывают древние тайны. Демоны, боги и небожители, чьи пути переплетены в бесконечной борьбе за силу.

Чтобы выжить — нужно стать сильнее.

Чтобы стать сильнее — нужно потерять себя.

И где-то на вершине этого пути...

ждёт бессмертие.

Но какой ценой?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ксения Фосс

Цветочная демонизация. Том 1

Глава 1

[Добро пожаловать в систему... загрузка программы начнется через 3...2...1... загрузка началась]

Мерцающий, мутный, зеленый экран с медленно ползущей зеленой полоской, был единственным источником света, в темном пространстве. Это нельзя было назвать комнатой или жалким подобием на неё, скорее вакуумной пропастью. Холодной, пустой пропастью, которые часто показывают в фильмах как объяснение черной дыры.

[Загрузка 7%]

Громкий, роботизированный голос раздался со всех сторон. Я инстинктивно поднял руки вверх, пытаюсь закрыть уши и с удивлением осознал какая приятная легкость разливается по телу. Руки наконец были свободны от многочисленных трубок, над головой не пищали многочисленные мониторы. Давно я не чувствовал свое тело, а не попытки врачей продлить мое вялое существование.

[Загрузка 21%]

[Синхронизация воспоминаний 100%]

[Загрузка 50%]

Сбоку появился еще один экран. Он был чуть светлее чем первый экран, а на нем был показан оцифрованный договор, который я не так давно подписал с процветающей компанией «The dark lotus», на передачу своего разума и сознания им. Экран повисел еще с минуту, а после погас.

Вдруг, у меня в голове раздался шутливый мальчишеский голос.

[Здравствуйте, с вами говорит личный голосовой помощник Ань-Ань. Я буду сопровождать вас все время вашего пребывания в игре «Небесный путь».]

«Ань-Ань? Странное имя... и что оно означает?»

[Мое имя в переводе с китайского означает «спокойный»]

«С китайского? Почему с китайского?»

[Загрузка 70%]

[Разве вы не читали вводный инструктаж для игроков, при подписании договора?]

«Ань-Нянь, я умирал и мне было неважно, в каком мире продлить свою жизнь.»

Да, моя трагичная история началась с того, что я попал в аварию. Сначала искусственная кома, потом долгий период реабилитации, а потом, как вишенка на торте, лейкомия 4 степени. Врачи старались спасти мою жизнь, но у меня самого уже не было ни сил, ни денег на продолжение лечения. То что на меня вышли люди из «The dark lotus» — настоя-

щее чудо.

[Господин, меня зовут Ань-Ань, но, если вам так хочется называть меня Ань-Нянь, можете использовать это имя.]

[Загрузка 100%.]

Темное пространство моргнуло, будто от короткой перезагрузки. Текстуры прогружались медленно, неохотно. Сначала появились общие очертания помещения, мебель. Потом пространство налилось светом, а нелепые квадраты превратились в резную мебель.

Я огляделся, почувствовав под ногами твердую землю: комната оказалась светлой и просторной и была похожа на спальню. Кровать, сундук, шкафы и остальная мебель казалась размытой, замыленной. Из круглого окна лился теплый свет.

[Настройте свой внешний вид]

Зеленый экран снова вспыхнул и медленно растворился в воздухе, перемещаясь куда-то в право. На его месте появилось большое медное зеркало, по бокам от которого нелепо висели в воздухе две стрелки.

[Вы можете оставить свой внешний вид или выбрать облик из предложенных вариантов]

Тут же подсказал Ань-Ань. Я не хотел смотреть на свое тело, а потому сразу начал листать предложенные варианты тел. Забавное ощущение того как я то резко вырастал, то уменьшался было не сравнить ни с чем. Тело то наливалось тяжестью, то наоборот легкостью.

Спустя долгие двадцать минут, я остановился на красивом, спортивном теле, чуть выше среднего роста.

— Вот это тело! Всегда мечтал так выглядеть! — я восторженно присвистнул, рассматривая свое отражение в зеркале, — А какой у этой игры жанр? Эротика?

[Приключения и фэнтези]

В детском голосе Ань-Ань послышалась не скрываемая гордость.

— И зачем тогда делать такие подробные настройки и красивые тела, если я не могу им даже воспользоваться, как хочу? Ладно, что нам там дальше нужно выбирать?

[Если хотите можно настроить детали лица, так же нужно выбрать ханьфу¹, имя и уровень сложности. После этого можно будет приступать к изучению мира!]

Я провёл ладонью по отражению, словно проверяя — не рассыпется ли оно, не дрогнет ли, как всё до этого. Но зеркало оставалось неподвижным, холодным, реальным.

— Ладно... лицо.

Стрелки послушно дрогнули. Черты менялись, как вода под ветром. Чуть уже глаза — и взгляд становился холоднее. Чуть мягче линия губ — и на лице появлялась насмешка, почти незаметная, но живая. Я не хотел быть ни слишком красивым, ни слишком обычным. Что-то между. Чтобы не

¹ Ханьфу (##) — досл. «ханьская одежда», национальные одежды китайцев до установления династии Цин. Представляет собой многослойный костюм из верхнего халата или рубашки с длинной юбкой, а также длинными одеждами. Отличается от династии к династии.

бросаться в глаза... но чтобы при этом запоминаться.

В какой-то момент я остановился.

Тёмные, почти чёрные волосы с холодным серым отливом. Лицо — юное, но не детское. Взгляд — спокойный... и где-то глубоко в нём пряталась тень, которую не стереть никакими настройками.

— Вот этот.

[Вы уверены?]

— Уверен.

Зеркало вспыхнуло мягким светом, словно запечатывая выбор.

— Теперь одежда.

Передо мной всплыло несколько вариантов ханьфу. Светлые, тёмные, украшенные вышивкой или почти аскетичные. Шёлк переливался, как вода под луной.

Моя рука сама потянулась к тёмному. Глубокий синий, почти ночной, с тонкими бордово-малиновыми вставками. Скромный, но... опасный. Такой, в котором можно раствориться в толпе — и в то же время стать центром, если захочешь.

[Вы выбрали стартовый комплект «Тёмный путь».]

— Звучит обнадёживающее, — хмыкнул я.

Ткань легла на тело, словно жила своей жизнью — мягко, точно знала каждое движение наперёд. Я сжал пальцы, привыкая к ощущению силы. Не той, искусственной, которую поддерживали аппараты... а настоящей. Живой.

— Имя... — Я замолчал, какое-то смутное сомнение поселилось во мне, — Я так понимаю, имя тоже должно быть китайским?

[Вы правы, господин. Но вы можете выбрать любое слово или имя, которое вам нравится и алгоритм сам переведет его]

Старое имя казалось чужим. Слишком привязанным к той койке, к тем белым стенам, к запаху лекарств и бесконечному ожиданию конца.

— Пусть будет... Неприкаянный.

На секунду повисла тишина.

[Имя занято.]

— Серьёзно?

[Предлагаю варианты: Неприкаянный_01, Неприкаянный_X, Неприкаянный_БезПути...]

— Ладно-ладно... — я усмехнулся, — Тогда пусть будет... ну к примеру: бесстрашный.

[Просто бесстрашный?]

— Нужно еще? Ну тогда пусть будет что-то вроде: не боящийся демонов.

[Имя принято. В игре к вам будут обращаться: Янь Уцзы²]

— Красиво звучит... а здесь будет какой-нибудь справочник? Я ничего не знаю про Китай.

[Я буду вам помогать и в начале, у вас будут появляться

² Янь Уцзи (###) — «Без страха перед Янь-ваном (владыкой ада)»

подсказки]

— Ой эти ваши подсказки всегда мешают... — я беззлобно фыркнул, поворачиваясь в сторону, где коротко вспыхнул свет. На полу, где раньше ничего не было, появилась оружейная стойка.

В самом низу у пола находились пики, чуть выше сабли, катаны и простые мечи, а сбоку висели два кнута и какая-то метелка.

— Ань-Нянь, зачем здесь метелка? Я что, за уборщика играть буду?

[Нет, господин. Это фучэнь. Изначально он выполнял роль мухогонялки, отпугивающей насекомых. Так же он является даоским артефактом, некоторые школы боевых искусств впоследствии рассматривали, и кто-то даже использовал фучэнь как оружие.]

— И стать воином-подметалой? Спасибо, не надо. — я подхватил один из мечей, с широким лезвием и темной кисточкой на кончике рукояти, и рубанул им воздух, — Я лучше по старинке. Я выбираю средний режим сложности, запускай игру Ань-Ань!

[Есть!]

Мир завертелся, будто втягиваясь в одну точку.

...Сознание возвращалось медленно, словно я всплывал из густой, тягучей темноты, в которой не было ни боли, ни времени. Сначала пришёл звук.

Тихий. Едва уловимый. Шелест.

Будто тысячи крошечных крыльев касались друг друга, скользя по воздуху.

Потом — запах.

Тёплый, влажный, насыщенный. Земля, прогретая солнцем. Молодая трава. Цветы, только-только распутившиеся, ещё не знающие пыли дорог и людских рук.

И лишь потом — голос.

— Господин... проснитесь... пожалуйста...

Он звучал совсем рядом, но не тревожно — осторожно, почти бережно, словно тот, кто говорил, боялся разрушить нечто большее, чем сон.

Я открыл глаза.

Надо мной был не потолок, а нечто в разы прекраснее.

Небо.

Бескрайнее, прозрачное, как тончайший фарфор, оно уходило вверх, теряясь в мягкой голубизне. По нему медленно плыли облака — лёгкие, размытые, словно их нарисовали влажной кистью и не дали краске до конца высохнуть.

Ветви дерева склонялись надо мной, сплетаясь в ажурный узор. Лепестки — белые с едва заметным розовым отливом — тихо дрожали на ветру, срывались и падали вниз.

Один из них коснулся моей щеки. Холодный. Лёгкий.

Я моргнул. И реальность окончательно собралась воедино.

Мы лежали под открытым небом. Прямо на земле, устланной мягкой травой и ковром из опавших цветов. Чуть в сто-

роне догорал костёр — тонкие струйки дыма поднимались вверх, растворяясь в утреннем воздухе. Угольки едва тлели, словно последние отголоски ночи, не желающие уступать дню.

— Господин?..

Я повернул голову. Мальчишка сидел рядом, поджав ноги, как будто старался занять как можно меньше места в этом мире. Его серое ханьфу казалось ещё бледнее в свете утра, а на ткани остались следы дороги — пыль, тонкие полосы грязи, небрежно стёртые водой.

Волосы его были собраны в простую кубышку, но несколько прядей выбились и теперь мягко касались лица, подчёркивая его растерянный, почти испуганный взгляд.

Тут же, слева от головы мальчишка вспыхнул зеленый экран.

[Мо Цинъюй (###) — «Чистое перо».

Возраст: 15 лет

Статус: ваш верный помощник.

Род занятий: алхимик.

Характер мягкий, покладистый. Любит созерцать прекрасное.

Прозвища: Юй-эр³, А-Юй⁴.

³ Суффикс -эр — уменьшительно-ласкательный, обращение старших к младшим.

⁴ Префикс а- — образует уменьшительно-ласкательные или дружеские обращения и фамильярные прозвища. Он указывает на близкие отношения, часто используется в кругу семьи, среди друзей или к младшему по возрасту, заменяя

Золотое ядро имеется, но слабое и развитию не подлежит. Никогда не практиковал инидею и любые другие духовные практики. Духовное оружие не имеет.]

— Вы... долго не просыпались, — тихо сказал он, опуская глаза. — Я подумал... вдруг с вами что-то...

Я не сразу ответил.

Потому что в этот момент мир вокруг требовал внимания. Он был... слишком живым. Я приподнялся, опираясь на руку.

Передо мной раскрывался пейзаж, от которого перехватывало дыхание. Горы. Они поднимались вдали, одна за другой, словно ступени, ведущие к самому небу. Их вершины утопали в лёгкой дымке, окрашенной утренним солнцем в мягкое золото. Где-то выше облака обнимали каменные склоны, скользя по ним, как ленивые духи, не желающие покидать свои владения. Склоны были укутаны лесом. И этот лес... цвёл. Деревья стояли в полном расцвете, словно сама весна достигла своего пика и теперь не знала, куда деть излишек красоты. Белые и розовые кроны переливались в свете, мягко колыхаясь под тёплым ветром. Лепестки срывались и летели вниз — медленно, почти торжественно, будто каждая из них знала цену своему падению.

Между деревьями струилась тропа — узкая, протоптанная, уводящая куда-то вглубь леса, где тени становились гуще, а воздух — прохладнее. Где-то внизу слышалась вода.

Не громко — наоборот, почти шёпотом. Река текла среди камней, прячась в зелени, и её поверхность отражала небо, делая его частью земли. Ветер прошёлся по траве. Она зашевелилась, как живая, и на мгновение показалось, будто сама земля дышит. Я глубоко вдохнул. И это было... непривычно. Воздух не резал лёгкие, не отдавался болью в груди. Он наполнял меня легко, свободно, как будто тело наконец вспомнило, как это — жить.

— Мы... в пути? — тихо спросил я, не отрывая взгляда от горизонта.

— Д-да, господин, — кивнул Мо Циньюй. — Мы странствующие заклинатели... вы вчера сказали, что не хотите останавливаться в деревне... и мы заночевали здесь...

Я усмехнулся.

— Похоже, у меня хороший вкус.

Мо Циньюй осторожно посмотрел на меня, словно пытаюсь понять — шутка это или нет. А я снова перевёл взгляд на горы. В груди разливалось странное чувство. Свобода. Не та, о которой говорят — громкая, яркая. А тихая. Та, что приходит с ветром, с запахом травы, с шелестом лепестков, падающих на землю.

— Красиво... — выдохнул я почти шёпотом.

Глава 2

[Том 1, глава 1. Гуй из деревни Чунь.

Задание: жители деревни Чунь, у подножья горы Тяньдао-фэн, страдают от нападения неизвестного гуя, что утаскивает домашний скот и детей.

Сходите в деревню Чунь и поговорите со старейшиной.

Награда за череду заданий: 1000 медяков.]

В этот раз вспыхнувший перед мной экран был коричневым и провисел от здесь дольше чем обычный экран.

Мо Циньюй не так давно убежал к ручью, набрать воды и я остался один в нашем небольшом лагере.

Лагерь, а точнее небольшая полянка, находящаяся в тени большого дерева, чьи ветви раскинулись над поляной, был весьма опрятным, хоть и не богатым. Под мной была небольшая циновка, а у дерева лежали ножны с моим мечом, какие-то склянки со странными, мутными жидкостями. У меча лежал маленький красный мешочек с милыми кисточками-завязками.

«Ань-Нянь, что это за мешочек?» — я лениво подошел к дереву, поднимая в руки мешочек. Тот на удивление был тяжёлым, словно пятилитровый болон с водой.

[Господин, это мешочек цянькунь. Волшебный артефакт, для хранения всевозможных вещей. Внутри он намного больше, чем снаружи. Название берёт начало от

триграмм «цзянь» (небо, мужское начало, концепт ян) и «кунь» (земля, женское начало, концепт инь) из «Книги перемен» — древнейшего трактата о гаданиях. Вместе они объединяют небо и землю, то есть все сущее.]

«У него есть лимит на количество вещей?» — завязки легко поддались, и я заглянул в маленький мешочек, с трудом различая веер. Почему-то только его я смог различить, в этой кипе барахла.

[У него нет лимита. В мешочке можно даже переносить людей и животных, или нежить.]

«Какая хорошая вещь, жаль, что в моем мир таких не бывает... а чей это веер? Того мальчишки?» — я достал веер из мешочка. Мешочек я положил на землю, где он и лежал, и раскрыл веер.

С виду это был изящный даосский веер, какие носили при дворе или в горных обителях. Черный лакированный бамбук, бумага ручной выделки цвета слоновой кости, на которой искусный каллиграф вывел аккуратные иероглифы, которые я, к сожалению, прочитать не мог. Тяжелая кисть из нефритовой нити свисала с рукояти, на ней играл свет, как на воде осеннего озера.

«Да, он бы идеально подошел тому мальчишке.»

[Нет, господин, это ваше духовное оружие. Веер Цаньша.⁵]

⁵ Веер Цаньша (##) — досл. тысяча убийств, где # — тысяча, а # — убивать/убийства.

«И как же им сразаться, скажи мне на милость? Это даже хуже, чем та швабра фушэнь? Или как ее там.»

[Фуцэнь, господин. А вы попробуйте направить в этот веер свою ци и приказать ему срубить вон тот бамбук.]

— Направить свою ци? Ну давай попробуем. — я закрыл глаза, пытаясь пробудить то, о чем раньше только слышал. Наверное со стороны я похож на ту забавную панду из мультфильма по кунг-фу и Китай.

Я стоял, зажмурившись, с веером в руках и пытался почувствовать.

Ци...

Слово, которое в моём прошлом мире звучало как нечто абстрактное, почти сказочное, теперь должно было стать реальностью.

— Ну... давай, — пробормотал я себе под нос, — Где ты там прячешься?

Сначала — ничего.

Только легкий ветер, что путался в ветвях дерева.

Он мягко скользил по коже, играл с рукавами ханьфу, перебирал лепестки, рассыпанные по траве. Где-то вдали перекликались птицы, а ручей, к которому ушел Мо Цинъюй, тихо звенел, как тонкая серебрянная струна.

Я уже собирался открыть глаза и сдаться, как вдруг...

Что-то дрогнуло. Глубоко внутри.

Словно в груди, под ребрами, медленно распустился теплый узел. Не боль — нет. Скорее... удовлетворение. Мягкое,

текущее, как весенний свет, проникающий сквозь листву.

Я замер и прислушался.

Это было странно — ощущать нечто, что нельзя увидеть или потрогать. Оно текло, медленно, лениво, будто неохотно просыпаясь после долгого сна.

— Это и есть... ци? — едва слышно прошептал я.

[Да, господин.]

Голос Ань-Аня звучал тихо, почти уважительно.

[Попробуйте направить её.]

— Направить... куда?

[В руки. В веер.]

Я нахмурился, но послушался.

Сконцентрироваться оказалось сложнее, чем я думал. Мысли путались, ускользали, цеплялись за все подряд — за запах травы, за звук ветра, за ощущение ткани на одежде.

Но постепенно... постепенно я начал понимать.

Ци не слушалась приказов. Ее нужно было... убедить.

Я сделал медленный вздох и представил, как это тепло внутри меня поднимается выше. Скользит по телу, как теплая вода. Перетекает в плечо, затем — в руку.

Пальцы дрогнули. Веер в ладони стал тяжелее и холоднее. Я открыл глаза.

На мгновение мне показалось, что по его поверхности пробежала тень. Едва заметная, как отблеск черного пламени.

— Ого...

[Прикажете.]

— Что?.. — я растерянно могул.

[Прикажете ему атаковать.]

Я перевёл взгляд на тонкий бамбук, растущий у края поляны. Он был молодым, шибким, слегка покачивался на ветру, будто не подозревал о своей судьбе.

— Ладно... — я неловко взмахнул веером, — Эм... сруби его?

Ничего не произошло. По вееру лишь пробежал легкий заряд, окутав его на мгновение темной дымкой.

— Ты... серьёзно сейчас?..

[Господин, команда должна быть чёткой.]

— Ага, конечно... — я вздохнул, сжал веер крепче и нахмурился, — Ладно. Давай ещё раз.

Тепло внутри отозвалось быстрее, будто стало живее. Я поднял веер и на этот раз сказал тихо, но твёрдо:

— Режь.

Мир на секунду замер. А затем —

Шшшх—!

Воздух разрехло нечто невидимое. Я даже не успел понять, что произошло. Бамбук... просто... соскользнул. Верхняя часть медленно накренилась и с тихим шелестом упала в траву, словно ее аккуратно срезали невидимым ножом.

[Поздравляю, господин. Вы успешно использовали духовное оружие!]

— Все же меч лучше. — я хмыкнул, убирая веер за ши-

рокий пояс и ногой подкидывая вверх ножны с моим мечем. Хоть в прошлой жизни и я не пользовался им, но все же мальчишки в детстве мечтали стать мечниками и дрались во дворе на палках?

— Господин... — за спиной раздался робкий писк мальчишки — компаньона.

— Ты долго, А-Юй. — ножны, с выбитым на них названием меча, тоже заняли свое место с другой стороны пояса, по правую руку.

— Простите, господин... этот Мо Цинъюй отвлекся на прекрасные лотосы, что распустились у устья ручья... а вы тренировалась сейчас? С кем вы разговаривали?

— Сам с собой. Помогает собраться с мыслями. — я наконец повернулся к А-Юйю и едва удержался от смеха, хотя легкую издевательскую ухмылку себе позволил, — Я так понимаю, лотосы мы возьмем с собой?

— Этот Мо не смог устоять перед их красотой и нарвал немного... — виновато ответил мальчишка. Подол и рукава его серого ханьфу был мокрый, а в руках мальчик держал охапку действительно прекрасных лотос, только половина из них была без лепестков, а из зеленой головки практически выпадали семена лотосов, — К тому же, из лепестков и семян этот Мо может приготовить новую серию снадобий.

«Ань-Нянь, почему он постоянно говорит о себе в третьем лице?» — однотипная речь мальчишки казалась мне слишком пафосной.

[В древнем Китае такая манера речи считалась уважительной и использовалась чаще всего людьми, которые имели какой-либо статус. Мо Цинъюй ваш ученик, хоть культиватором ему и не стать.]

— Мо Цинъюй, ты можешь говорить без этих формальностей. — бесцеремонно перебив мальчишку, я практически вплотную подошел к нему, от чего он, испуганно вздрогнув, отшатнулся в сторону, — Давай, убирай свои лотосы и собираемся в путь. Нам нужно в деревню Чунь.

— Зачем? — Юй-эр, осторожно, по большому радиусу обошел меня, крадучись подбираясь к мешочку цяньюнь.

— Местные жители жалуются на гуя, что похищает скот и детей. Пойдем на охоту, ты как раз потренируешься.

— А м-может не н-надо? Я не хочу тренироваться с мечом, он тяжелый... можно я лучше испытаю свою разработку? — мальчишка капнул мутную, вязкую жидкость на бутоны цветов и те мгновенно сжались, будто под действием вакуума и жидкого азота, и поспешно засунул их в цяньюнь. Лежащие на земле склянки он начал судорожно привязывать на пояс.

— А кто культиваторам стать мечтал? — с издевкой спросил я, глядя на то, как мальчишка, в полной экипировке убрал в рукав ханьфу мешочек.

— Ну у меня же слабое золотое ядро.

Он произнес это так тихо, словно боялся, что сами горы услышат и осудят его.

Я на мгновение замолчал.

Ветер, словно почувствовав паузу, прошёлся по поляне мягкой волной. Ветки старого дерева над нами зашуршали, и с них посыпались лепестки — легкие, пости невесомые. Они падали медленно, лениво, цепляясь за ткань, за волосы, за землю, будто не хотели расставаться с высотой.

Я вздохнул и отвернулся.

— Ладно, — бросил я уже без прежней насмешки, — Будешь травить наших врагов... если не отравишь нас раньше.

Мо Цинъюй неловко кивнул, но в уголках его губ мелькнула тень облегчения.

Мы вышли с поляны, и мир вокруг... словно раскрылся.

Тропа, по которой мы шли, извивалась между деревьями, как тонкая нить, проложенная рукой не человека, а самой природы. Земля под ногами была мягкой, тёплой, пружинистой — покрытой прошлогодней листвой и свежей травой, пробившейся сквозь неё тонкими, упрямыми ростками.

Лес дышал.

Не метафорически — по-настоящему. С каждым порывом ветра он наполнялся движением: листья шелестели, ветви склонялись, цветы дрожали, и всё это сливалось в единый, живой звук — глубокий, спокойный, как дыхание великана.

Деревья здесь были высокими, стройными, их стволы тянулись вверх, теряясь в кронах, залитых светом. Между ними пробивались лучи солнца — тонкие, золотистые, словно

нити, спускающиеся с небес.

И в этих лучах... кружились лепестки.

Белые. Розовые. Почти прозрачные.

Они ловили свет, переливались, будто были сотканы не из материи, а из самого воздуха.

— Красиво... — выдохнул я, неосознанно замедляя шаг.

Мо Цинъюй шёл чуть позади, как всегда, держась на расстоянии.

— Это... цветение горных слив и диких персиков, — тихо ответил он. — Скоро начнётся лето... сейчас самое прекрасное время.

Я усмехнулся.

— Самое прекрасное время — это когда тебя не пытаются убить.

Он не ответил. Лишь сильнее сжал край рукава.

Лес постепенно редел. И вскоре перед нами открылся склон. Я остановился. Потому что дальше... было невозможно идти, не посмотрев.

Горы. Они стояли перед нами, величественные, древние, словно сами были частью неба. Их склоны уходили вверх, теряясь в лёгкой дымке, где граница между землёй и облаками стиралась.

Туман стелился между вершинами, мягко обвивая их, как белые шёлковые ленты. Где-то вдалеке, на одной из скал, я заметил тонкую линию водопада — он падал вниз, почти бесшумно с такой высоты, что казался нереальным, словно

нарисованным.

Снизу, у подножия, раскинулась долина. Зелёная. Живая. Река, извиваясь, разрезала её на две части, сверкая под солнцем, как расплавленное серебро. По её берегам росли деревья, их кроны склонялись к воде, словно пытаясь коснуться своего отражения.

А дальше... Деревня. Маленькая, почти игрушечная с такого расстояния. Крыши домов — тёмные, черепичные, аккуратно выстроенные вдоль узких улочек. Дым лениво поднимался из труб, растворяясь в воздухе. Но даже отсюда... что-то было не так. Я прищурился.

— Видишь?

Циньюй осторожно подошёл ближе, стараясь не задеть меня плечом.

— Д-да... — прошептал он.

Над деревней висела тень. Не настоящая — её нельзя было увидеть глазами. Но она ощущалась. Как холодок на коже в тёплый день. Как тишина перед бурей. Даже птицы там не летали.

— Похоже, у нас есть работа, — тихо сказал я, поправляя меч на поясе. Веер Цаньша, спрятанный под толстым шелком пояса, едва заметно потяжелел, словно отозвался на что-то впереди. Ветер вдруг стих. Лепестки, кружившие в воздухе, медленно опустились на землю. И на одно короткое мгновение весь этот прекрасный, цветущий мир... замер. Будто ждал.

— Пойдём, — сказал я, и мы начали спуск к деревне Чунь.

Глава 3

Деревня Чунь не была отмечена ни на одной карте Поднебесной. Да и могла ли быть нанесена тушью на шелк точка, чей поперечник едва достигал двух *чжанов*⁶? Если и существовало на свете место, которое время обошло стороной, то это была она.

Путник, случайно забредший сюда, сначала думал, что перед ним лишь груда старого хвороста, брошенная у дороги. Но, приблизившись, различал в этой груде очертания жилья.

Хижины здесь не стояли — они клонились. Каждая из них, будто уставшая странница, прислонилась к соседке, чтобы не упасть. Крыши, покрытые побуревшей соломой, просели посередине, образуя неглубокие впадины, в которых застаивалась дождевая вода, и из-за этого издалека казалось, что дома прикрыты старыми шляпами грибников. Стены, слепленные из глины вперемешку с соломой, растрескались, и сквозь трещины пробивались тонкие стебли дикого злака — сама природа пыталась зашить ветхие раны этих строений.

Самым удивительным было то, что среди этих семи-восьми покосившихся строений нельзя было отыскать главного. Дом старейшины ничем не отличался от прочих.

Та же просевшая крыша. Такая же глиняная стена, под-

⁶ Чжан (#) — мера длины в Древнем Китае, где 1 чжан равен 3,2 метра.

пертая снаружи бамбуковым шестом, чтобы не рухнула под тяжестью прошедших дождей. Тот же покосившийся дымоход, из которого вился тощий столбик дыма, такой же серый и неспешный, как и из соседних труб. Если у старосты и было какое-то преимущество, то лишь в том, что его калитка скрипела чуть громче остальных — возможно оттого, что её открывали и закрывали чаще, созывая сходы, на которых, впрочем, решали одно и то же: жить, как жили.

Даже колодец в центре деревни, единственный источник воды на два *чжана* вокруг, казался таким же старым и уставшим. Его сруб перекосялся, и бадья, опускаясь вниз, с противным скрежетом терлась о гнилые доски, словно жалуясь на свою долю.

Тропинки меж домов были так узки, что два человека не могли разминуться, не коснувшись плечами. И эти тропинки не вели никуда, кроме как от одного ветхого порога к другому. Они замыкались в кольцо, словно деревня Чунь была не началом пути, а его забытым концом.

Ветхие ворота на въезде, вернее, два столба с положенной сверху перекладиной, давно лишились створок. И потому любой ветер, любой прохожий или бродячий пес могли войти сюда беспрепятственно. Но никто не входил. Ибо что может искать путник в месте, где даже старейшина живет в такой же лачуге, как и последний бедняк?

Говорили, что название *Чунь* — «весенний побег» — деревня получила в давние времена, когда здесь всё начина-

лось. Но теперь, глядя на покосившиеся стены и съехавшие с основ соломенные крыши, казалось, что время здесь не растёт, а догнивает.

Не успели мы и шагу сделать в сторону дома старейшины, как веер, что я затолкнул за пояс, задрожал.

«Что за?..» — я остановился, доставая веер из-за пояса и с интересом его осматривая. Внешне веер был таким же как и до этого, но только стоило мне его резким движением открыть, как на внутренней стороне загорелся... экран меню игры! Небольшой зелёный экран находился ровно по середине веера, чтобы его никто кроме меня никто не увидел. Сверху находился ряд иконок: инвентарь, очки умения, карта, настройки, пауза, достижения и две размытые иконки.

Над эмблемой карты горела красная точка, а в правом нижнем углу мелькало достижение, с забавным рисунком в виде длинной бамбуковой шеста и рваной верхней халате и надписью: «Повозка из хвороста и рваная одежда.»⁷

Я замешкался, обдумывая насколько странно будет выглядеть, если я нажму пальцем в веер, но решил все же попробовать и потянул руку к экрану.

Нажав на иконку карты, основная часть экрана, сразу под иконками, отобразила небольшой лист пергамента. На карте тут и там были нарисованы иконки будды и какие-то мелкие значки, что я не смог понять. А в центре пергамента

⁷ Повозка из хвороста и рваная одежда (####) — пословица, обозначающая: начинать с нуля с суровых условий.

медленно развевалась небольшая дымка. Под ней оказалась небольшая деревня, с маленьким круглым знаком инь и ян, а сверху, резким, угловатым шрифтом было выведено: деревня Чунь.

[Поздравляю, господин! Вы открыли меню игры! Теперь вам доступна прокачка своего персонажа и своих компаньонов]

Тут же с восторгом сообщил Ань-Ань, как только облако над деревней Чунь, нарисованной на карте всего двумя домами и одним колодцем, развеялось.

«Спасибо... а почему, когда я в первый раз достал веер, ничего не было?»

[Потому, что, если использовать духовную энергию, алгоритм веера считывает это как активация оружия, а если не использовать и захотеть выйти в паузу, откроется меню.]

«А если я не хочу выйти в меню? Если хочу использовать веер по его прямому назначению?»

[Чтобы выйти в меню, вам нужно просто подумать: «Ань-Ань, открой меню», и вы войдете в меню]

«Хорошо, изучим это потом...» — я захлопнул веер и убрал его обратно за пояс. Сначала нужно было разобраться с деревней, а потом можно уже изучить и меню.

Мо Циньюй стоял около небольшой клумбы, разбитой у одного из домов. Он осторожно, будто перед ним были не цветы, а фигурки из хрусталя протянул руку и кончиками

пальцев коснулся нежно розового лепестка цветка, чуть ли не подпрыгивая от восторга.

— Что ты делаешь? — я не слышно подкрался к нему, наклонившись к самому уху.

Мальчишка с тихим вздохом дернулся и упал, рядом с клумбой, виновато отводя взгляд. Подол серого ханьфу покрылся дорожной пылью.

— Г-господин... я всего лишь хотел посмотреть на цветы...

— Зачем? Мы только что шли мимо прекрасных зеленых гор. Почему тебе нужны именно цветы?

— В цветах есть нечто прекрасное, нечто особое, — мечтательно протянул Юй-эр, складывая руки на груди, — Мне всегда становится с ними хорошо, так легко...

Я не сдержанно цокнул языком и ухмыльнулся, с легкой издевкой:

— Может тогда тебя стоит посадить рядом с ними в землю? Корни пустишь, может даже потом вырастешь немного.

— Не надо! — испуганно взвизгнул мальчик, вскакивая на ноги, — Я потом на них посмотрю...

— Ну вот и правильно. А теперь пошли, нас ждет староста.

Мы двинулись дальше, оставляя за спиной ту крохотную клумбу — единственное пятно живого цвета среди выцветшей, усталой деревни. Но чем глубже мы входили в Чунь, тем сильнее становилось ощущение... несоответствия.

Словно эта деревня не принадлежала весне. За её пределами мир цвёл. Я ещё помнил тот склон, по которому мы спускались: как ветер играл в ветвях, как лепестки кружились в воздухе, как горы, окутанные лёгким туманом, казались живыми и дышащими. Там каждая травинка тянулась к свету, каждая ветка — к небу.

Здесь же... весна будто остановилась на пороге и не решилась войти. Воздух был тяжелее. Тепло — глуше. Даже свет, падающий на землю, казался тусклым, словно проходил через тонкий слой пепла.

Я замедлил шаг. Под ногами скрипнула земля — сухая, растрескавшаяся, словно её давно не касалась влага. Там, где должна была расти трава, лежала лишь бледная, выжженная пыль.

— Ты это чувствуешь? — тихо спросил я, не оборачиваясь. Циньюй замер позади.

— Д-да, господин... — едва слышно ответил он. — Здесь... странно.

Странно — было слишком простым и маленьким словом, для этого места.

Я остановился у колодца. Тот самый, о котором говорилось в описании, стоял в центре деревни, как старик, забытый всеми. Доски его были почерневшими, изъеденными временем, верёвка — истёртой до тонких волокон. Я наклонился и заглянул внутрь. Тьма. Глубокая, вязкая. Вода была где-то там, далеко внизу, но даже её слабый блеск не отражал

света. Словно она... не хотела его принимать.

Веер за поясом снова дрогнул. Едва заметно. Как будто кто-то провёл холодным пальцем по позвоночнику. Я выпрямился.

— Не нравится мне это место...

Циньюй молчал. Но я заметил, как его пальцы, спрятанные в широких рукавах, дрожат.

Ветер прошёлся по улице. Но не принёс ни запаха травы, ни цветения. Только... пустоту.

И вдруг — дверь ближайшего дома скрипнула. Медленно. Словно открывал её не человек, а сама ветхая древесина решила вздохнуть.

На пороге появилась фигура. Сгорбленная. Слишком худощавая. Старик. Он стоял, опираясь на кривую палку, и смотрел на нас. Долго. Слишком долго.

Его глаза были мутными, как вода в застоявшемся пруду, но в них теплилось что-то... настороженное. Не радость. Не облегчение. Страх.

— Заклинатели... — прохрипел он, и голос его был сухим, будто он давно не говорил. — Вы... пришли? Из какого вы ордена? Мы посылали жалобы во многие ордена.

Я переглянулся с Циньюем.

— Мы странствующие заклинатели, — тихо сказал я.

— Вас прогнали? Чем тогда вы сможете нам помочь? — старик сделал шаг вперёд. И земля под его ногами чуть просела, будто даже она устала его держать. Его морщинистое

лицо сжалось в недовольном выражении, словно он с трудом управлял даже собственным лицом.

— Нас не прогоняли. — неожиданно храбро возразил Юй-эр, нахмурившись. Хоть он и пытался стать серьезным и возможно оскорбленным, больше был похож на обиженного ребенка, у которого забрали любимую игрушку, — В ордене Чи Су, молодой господин Янь занимал положение внутреннего ученика и старшего адепта, но учитель Ло сказал, что регулярные практики лучше любых занятий и господин Янь отправился в путь.

— Ай, гуй⁸ с вами... старейшина... ждёт... — добавил он, медленно поднимая руку и указывая вглубь деревни. Туда, где дома стояли ещё теснее. Где свет почти не проникал между покосившимися крышами. Где тень казалась... гуще.

Я кивнул и вежливо оставив полупоклон пошел в сторону самого старого дома в этой небольшой деревне.

— А-Юй, — лениво позвал я, когда мы отошли от дома на десяток шагов, — Тебе так важна *моя* принадлежность к ордену?

— Но ведь господин Янь наследник знатного рода, — мальчишка удивленно захлопал ресницами, нелепо хмурясь, — Ваши родители занимают важную должность в Чи Су, так

⁸ Гуй (#) — души умерших со злым умыслом В древнем Китае считали, что душа человека после смерти делится на *хунь* (духовное) и *по* (телесное). Если человек умер не своей смертью, его не похоронили по обряду или у него осталась сильная обида, *по* превращается в гуй — озлобленную сущность, которая завидует живым.

почему же вы позволяете сравнить вас с таким недостойным как я?

— С того, мой дорогой друг, что у бродячих заклинателей нет ордена. Как и нет разделения на верхних и нижних. Мы с тобой сейчас на равных.

— Это неправильно. — Циньюй спрятал руки в рукавах и сложил их на груди, вздернув нос, — Господин не должен ставить себя рядом со слугами и простыми крестьянами. К тому же, заклинатель вашего уровня по любому выше и важнее чем стоящие на первой ступени совершенствования заклинатели и уж точно выше тех, кто не практикует дао⁹.

— Тебе еще много предстоит научиться... — я устало провел рукой по лицу, с трудом сдерживая смех. Мальчишка еще что-то пробормотал, про воспитание людей деревни Чунь и в итоге затих, с плохо скрываемым страхом оглядываясь по сторонам.

Чем ближе мы подходили к дому старейшины, тем сильнее сгущалась темная энергия, проплывая густым туманом.

— В доме старейшины прячут монстра? — осторожно поинтересовался Эй-ер, — Но если они изловили его сами, то зачем им мы?

Мир резко замедлился и вскоре остановился полностью. Мо Циньюй замер с поднятой ногой и открытым ртом, бе-

⁹ Дао (#) — это центральное понятие китайской философии и даосизма, которое переводится как «Путь», «Истина», «Абсолют» или «Первооснова». Так же дао означает практику совершенствования, что делится на пять основных стадий: очищение, закладка фундамента, создание пилюли, созревание и слияние с дао.

гающая от хозяйки коза замерла в нелепой позе, перепрыгивая через забор, листья перестали шелестеть, а холодный, практически могильный ветер стих.

Только я остался в движении и уже собирался позвать Ань-Ань, как передо мной появилось уже два экрана, с разными версиями ответа на вопрос.

«Скорее всего тварь оказалась им не по силам. К тому же на доме ни одного защитного талисмана, а значит, что они просто не знали, как с ней бороться.» — было написано на первом экране. Этот экран был золотым. Полупрозрачный золотой фон с резной рамкой слегка блестел. В правом нижнем углу этого экрана была нарисована белая половинка круга Инь и Ян с надписью: +15.

«Возможно старейшина что-то скрывает.» — гласил второй экран. Он был темным, с кроваво-красной окантовкой. На нем была темная половина круга Инь и Ян, с теми же самыми «+15».

[Вы добрались до первой развилки!] — тут же подсказал Ань-Ань, — *[Теперь, вам предстоит выбрать вариант ответа и в зависимости от того, что вы выберете будет развиваться сюжет.]*

«Ань-Нянь, что это за +15? За что отвечают эти баллы?»
[За развитие добра Ян и зла Инь. Цель игры прийти к равновесию между ними и образовать ту самую гармонию, но вы можете выбрать любую сторону, которая нравится вам и прослать добрейшим мужем несущем свет в темный

и бранный мир или же темным и злым мастером дао.]

«Спасибо...»

Перспектива стать темным заклинателем мне нравилась больше, чем стать добряком, несущим свет и снимать котов с деревьев. Поэтому, я не задумываясь выбрал второй вариант ответа.

Экран мягко вспыхнул, словно одобрительно кивнув моему выбору, и красная половина знака Инь-Ян на мгновение загорелась темным, густым светом, похожим на угли, скрытые под пеплом.

+15 Инь.

Тонкие красные искры пробежали по краю панели — и всё исчезло.

Мир снова вздохнул. Листья зашуршали. Коза, зависшая в нелепом прыжке, тяжело плюхнулась на землю за забором и недовольно заблеяла.

Мо Циньюй договорил начатую фразу, даже не заметив, что пауза длилась целую вечность.

— ...если они изловили его сами, то зачем им мы?

Я лениво пожал плечами.

— Возможно, старейшина что-то скрывает.

Циньюй удивлённо моргнул.

— Скрывает?..

— Ну да, люди - самое порочное создание природы, они только и знают, что врать. — тело приятно расслабилось, когда вместо меня говорить начал алгоритм. Показалось, что

на мгновение меня выгнали из собственной оболочки, но вот я уже снова в своем теле, мерзну от противного, завывающего ветра, — И таких людей надо наказывать.

— А вы чувствуете всех людей, которые врут? — Мо Циньюй испуганно вздрогнул и благодаря огромному усилию воли смог сохранить настороженное выражение лица, подавляя ужас, что поселился в его глазах.

— Нет, а ты что, обманывал ради своей выгоды?

— Никогда! — Юй-эр замотал головой с такой силы, что мне даже показалось, что он слегка завис.

Как только мы подошли к дому старейшины, дверь как будто только этого и ждала, медленно, с противным скрипом отворилась. Из темного помещения, переваливаясь с ноги на ногу выкатился шарик в забавными короткими ручками и ножками. От большой лысины отсвечивало солнце, а мелкие свиные глазки судорожно забегали по нам, внимательно осматривая.

Почему-то старейшина убогой деревеньки представлялся мне другим: тощим, с паутиной морщин и с душевным взглядом. Этот же старейшина напоминал откормленного на убой кабана.

— Здравствуйте, господа заклинатели! — с наигранной печалью воскликнул мужичок, нелепо нагнувшись в поклоне, — Какое счастье, что ваш великий орден откликнулся на наше прошение! Беда приключилась в нашей деревне!

НПС¹⁰ начал свою наполненную печалью речь, практически полностью копируя задание из того экрана, что показала мне игра в самом начале квеста про деревню Чунь. А потому, немного осмотрев все что пободает в угол моего обзора, я позвал Ань-Аня.

«Ань-Нянь, а тут есть кнопка пропустить диалог?»

[Присутствует голосовая команда. Вы действительно хотите пропустить диалог? В конце, исходя из вашего выбора, монолог может отличаться.]

«Тогда перемотай до конца. Остальное пропусти.»

[Как прикажете.]

Мужичок нелепо дернулся, оборвавшись на полуслове и тут же продолжил:

—... А потому, как только эта тварь попыталась напасать на последнего выжившего ребенка, ее удалось заковать в последнюю оставшуюся сеть божественного плетения¹¹. Мы заперли существо в моем погребе, запечатав дверь талисманом и...

— Прекрасно, может ли этот даос поговорить с ребенком?
— что-то мне в тоне старейшины казалось подозрительным.

¹⁰ НПС — аббревиатура обозначающая «неигровой персонаж» (Non-player character) в играх — персонаж, управляемый компьютером или мастером.

¹¹ Сети Божественного плетения (####, Zhāng Fù Xiān Wǎng) — это дорогостоящие магические инструменты, способные ловить богов, демонов, духов, монстров и людей. Золотые нити тонкие, но их трудно разорвать, за исключением случаев, когда на них воздействует оружие или инструмент высшей духовной силы.

Я хоть и не разбираюсь в истории Древнего Китая и легендах, которые легли в основу далеко на одной игры и книги, но если уж они действительно поймали этого монстра, то почему же не убили? Или хотя бы не отнесли в город?

— Что? С ребенком? — старейшина опешил, неуверенно зыркнув глазами в мою стороны, сначала побелев, потом покраснев, — Зачем даочжану¹² говорить с ребенком? Тварь поймана уже и вам нужно лишь отрубить ей голову!

— Этот даос и его верный спутник благодарны старейшине за помощь, но для решения всей проблемы нужно поговорить с пострадавшим ребенком. Или мы не можем поговорить с ним?

— Что вы, что вы... конечно даочжан может поговорить с ребенком. — мужчина недовольно поморщился, заглядывая в дом и поманил кого-то рукой, — Сам я, к сожалению, вас не провожу, ноги не держат. А потому, вас проводит моя жена. Она у меня тиха, робка, но работающая, моя Цзю-эр¹³.

Из-за спины мужчины, робко вышла женщина. Она была высокой, но настолько худой, что кожа обтягивала каждую косточку. Большие впалые глаза наполнял тихий ужас.

Простое синее ханьфу висело на ней как на вешалке, держась по большей части за свет пояса.

Женщина склонилась в глубоком поклоне, вытягивая пе-

¹² Даочжан — ласковое обращение к даосу.

¹³ Цзю # (jiǔ) — иероглиф, обозначающий число 9 в китайском языке. То есть в семье девушка была 9.

ред собой костлявые руки с переломанными и пальцами.

— Рада приветствовать господ заклинателей, — практически шепотом пробормотала женщина, с трудом выпрямляясь. Она не стала дожидаться ничего и пошла в сторону стоящего в дали дома.

— Большое спасибо, — Мо Циньюй быстро поклонился старейшине и медленно засеменил за женщиной.

Я, бросив последний взгляд на покосившейся дом, и пошел в след за своим компаньоном и женщиной.

— Почему от этого дома пахнет так странно? — шепотом спросил мальчишка, — Будто чем-то тухлым.

— Ну может мясо испортилось? Сначала нужно поговорить с малышом, потом с уже осмотреть дом и подвал старейшины.

— Зачем нам говорить с этим ребенком? Малыш мог испугаться.

— Потом что старейшина слишком толстый для этой умирающей деревни. — господи, почему этот мальчишка такой глупый? Ему совсем забыли добавить IQ? — Смотри, у них даже куры худые, а у этот мужик не влез в дверь.

А-Юй осмотрелся по сторонам, забавно хмуря брови. Он внимательно посмотрел на медленных кур, что гуляли по загону, они были худыми и облезшими, на хвосте не было ни одного пера у десятка кур. Потом он перевел взгляд на не менее худых людей и другой скот.

— Он может быть связан с монстрами? — осторожно

озвучил свою догадку Мо Циньюй.

— Верно, а этот ребенок... — я замолчал, давая возможность ему довести мысль до ума.

— Может стать нашей зацепкой?

— Умница!

Глава 4

На самой оконечности деревни, там, где тропинка из утоптанной глины обрывается в чавкающую жижу рисового поля, стояла лачуга. Люди обходили её стороной, и даже собаки, задирая хвосты, ускоряли шаг, проходя мимо.

Крыша из потрескавшейся, поросшей плесенью черепицы прогнулась под тяжестью дождей и времени, словно спина дряхлого буйвола перед смертью. Карнизы, некогда изогнутые изящной дугой, обломились, обнажив гнилые, черные от влаги стропила, похожие на торчащие ребра огромного скелета.

Стены из серого, выветренного кирпича покрыты лишайником цвета старой крови и сажи. Фанерные ставни на окнах давно сгнили, зияя провалами, похожими на пустые глазницы. Внутри царила непроглядная темень, которая, казалось, шевелилась, когда ветер завывал в щелях.

Возле порога, где земля была вечно сырой и червивой, валялся разбитый глиняный кувшин для риса, его осколки вросли в грязь. Бумажная оконная рама была разорвана в клочья, и остатки рисовой бумаги, пожелтевшей, как старая кость, бесшумно трепетали на сквозняке.

К дому вела не тропа, а грязная полоса вытоптанной пыли. Казалось, сама земля отвергает это место: даже бамбук рос здесь корявым, узловатым, с листьями, покрытыми

черной сажистой росой. По ночам изнутри не доносилось ни звука — ни скрипа половиц, ни мышинной возни. Только тяжелый запах прелых досок, застоявшейся воды и древней, всепоглощающей печали. Говорили в этом доме жила бедная семья, оставшаяся без кормильца, а его жена тронулась рас-судком после смерти мужа.

— Мы пришли. — практически одними губами прошеп-тала Цзю-эр, останавливаясь в десяти шага от пары сгнив-ших бревен, которые и забором то назвать было сложно.

— Господин, можно я туда не пойду?.. — Мо Цинъюй с неподдельной болью смотрел на засохшие цветы, которые когда-то росли у крылечка, но сейчас от прежней красоты остались лишь высушенные коричневые огрызки, осыпав-шиеся вниз и погрязшие в сорняке.

— Нельзя, тебе нужно учиться. — я хлопнул мальчишку по плечу и схватив за край серого ханьфу, тараном потащил его за собой. Мальчишка жалобно пискнул, упираясь пятка-ми в землю.

Тут же перед глазами вспыхнул коричневый экран, с оповещением об открытии второстепенного задания:

[Миссия компаньона.

Ликорис — король ядов.

Цель: развить таланты Мо Цинъюйя, помочь ему стать за-кликателем.

Награда за череду заданий: 1 000 оков дружбы с персона-жем, артефакт Ликорис.]

[Поздравляю, господин! Вы открыли первое задание компаньона! Прогресс выполнения заданий и прокачку компаньонов можно посмотреть в меню, во вкладках: «журнал» и «компаньоны».]

«А какое по длительности задание Мо Цинъюйя?»

[Примерно 200 часов непрерывной игры.]

«Сколько??? Там, что полное становление героя? А точно я главный герой игры???»

[Нет, главный герой «Небесный путь» — это живой игрок. Но Мо Цинъюйю, вы должны помочь встать на нужный путь.]

Я покачал головой, мысленно делая пометку изучить меню, подошел к двери и легко постучал костяшками пальцев по прогнившей двери. Та, с жалобным скрипом, открылась, пропуская в захламленное помещение тонкую полоску света.

— Ау, есть кто-нибудь? — я настороженно огляделся.

Дом внутри выглядел еще более убогом, чем с наружи.

— Есть... — донёсся из глубины комнаты шёпот, похожий на шорох сухих листьев. Голос был тихим, надтреснутым, словно хозяйка давно забыла, как говорить громко. Из полумрака медленно выступила фигура. Женщина была одета в рваный халат, некогда синий, теперь выцветший до цвета пепла. Длинные чёрные волосы свисали колтунами, а под глазами залегли такие тёмные круги, будто их вымазали сажей. Она остановилась на пороге смежной комнаты, вцепившись длинными бледными пальцами в косяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.